

Анджела Картер

ЛЮБОВЬ

INSPIRIA

**Москва
2021**

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К27

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Carter Angela

LOVE

Copyright © Angela Carter, 1971, 1987

Иллюстрация и леттеринг на обложке *Ю. Девятовой*

Картер, Анджела.

К27 Любовь / Анджела Картер ; [пер. с англ. М. Немцова]. — Москва : Эксмо, 2021. — 288 с.

ISBN 978-5-04-113800-4

Когда весь мир хотел «заниматься любовью, а не войной», три человека вели эмоциональную борьбу с собой и друг с другом. Ли, его жена Эннабел и брат Базз живут в своем мире, который не имеет ничего общего с реальным — их герметичное существование полнится наркотиками, сексом и алкоголем. В попытках утолить свой эмоциональный голод они не понимают, что поедают друг друга.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Немцов М., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-113800-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда «Монотоны» в 1958 году поставили музыкальный вопрос: «(Кем написана) Книга Любви?»¹, Анджелу Картер они в виду не имели: ее третий роман «Любовь» вышел в 1971-м. Но и окажись они в силах заглянуть в будущее, вероятно, не выбрали бы ее творцом Любви. Видение любви у Картер — богемное, унылое и, по сути, несовместимое со стилем «ду-уоп». В ее «Любви» она отказывается от любых неж-

¹ «The Monotones» (1955–1962) — американский мужской вокальный секстет в стиле «ду-уоп», известный почти исключительно благодаря песне участников группы Уоррена Дейвиса, Джорджа Мэлоуна и Чарлза Пэтрика «The Book of Love». — Здесь и далее примечания переводчика.

ных притягательных черт этого явления в пользу той любви, которая заслуживает порицания, безумна, извращена, несколько кровосмесительна и опасна для тех, кого угораздит попасть ей в когти.

Вас это не удивит, если вы читали другие книги Анджелы Картер. Как раз такова «Кровавая комната»¹, и оказаться персонажем рассказа Анджелы Картер — значит поддаться воздействию хищной эмоции. В «Любви» страдания треугольны, главные герои неловки, повинуются инстинктам и артистичны так, как были бы артистичны вены мухоловки, будь они людьми.

«Любовь» — блистательный роман, на который обращают далеко не достаточно внимания, да и еще более блистательные последующие произведения Картер затмевают его. Хотя все, что происходит в «Любви», возможно в реальном мире, от романа отдает той невозможностью, какой пропитаны другие романы Картер, а также напряженным наблюдением и изо-

¹ Пер. О. Акимовой.

бретательностью, что стали отличительными чертами всех ее работ.

Я начала читать книги Анджелы Картер примерно тогда же, когда открыла для себя произведения Маргарет Этвуд и А. С. Байетт — двух писательниц того же поколения, чья проза тоже богата на аллюзии и наполнена своевольными персонажами, борющимися с ожиданиями общества. Часто персонажи эти оставляют попытки вписаться в него — они не были искренни с самого начала — и преобразуются в свои подлинные «я»: трудные, особые и полные сюрпризов. Произведения Картер изобилуют такими людьми, и Эннабел, антигероиня «Любви», — одна из лучших. Она таинственна, пронырлива, эмоционально вывихнута и все же по-роковому привлекательна. Эннабел, ее муж Ли и брат Ли Базз танцуют менуэт измены, ревности и саморазрушения. В первой же сцене книги мы видим, как Эннабел съежилась под небом, в котором одновременно видны солнце и луна, и тема эта повторяется в стыковках всех пер-

сонажей: то, что не должно быть вместе, оказывается вместе. «Любовь» — хроника притяжения и отвращения в этом крохотном мирке трех человек.

В 1987 году Картер добавила насмешливое послесловие, в котором жизнь персонажей развивается дальше и комментируется; без него книга чрезвычайно готична и мрачна. Все, чего в последующих своих произведениях она добивается при помощи сверхъестественного и различных спецэффектов, в «Любви» она достигает, всего-навсего поселившись в причудливых сознаниях Эннабел, Ли и Базза, просто позволяя делать свое дело взаимному непониманию.

Анджела Картер скончалась от рака в 1992 году. В некрологе, напечатанном в «Нью-Йорк Таймз», Салман Рушди писал, что она «натягивала нос, оскверняла священных коров. Ничего не любила она больше окаянного — но и блаженного — несогласия. Книги ее снимают с нас оковы, опрокидывают статуи напыщенных, ровняют с землей храмы и комиссариаты

праведности. Силу свою, живучесть они черпают во всем, что несправедно, незаконно, низко. Нет им ровни — и нет соперника». Произведение ее — дом во сне, где всякая комната уводит во всякую другую комнату; не имеет значения, где войдете в него, — все равно в итоге окажется, что вы исследуете все его углы и закоулки. Впервые ли взяли вы ее книгу в руки или же давний ее поклонник, перевернув эту страницу, вы вступите в завершенный и беспредельный мир Анджелы Картер.

Одри Ниффенеггер,
2006 г.

ЛЮБОВЬ

Однажды Эннабел увидела в небе сразу солнце и луну. От этого зрелища ей стало так жутко, что ужас поглотил ее полностью и не отпускал, пока ночь не завершилась катастрофой, — ведь инстинкта самосохранения у Эннабел не было, когда перед нею вставали двусмысленности.

Случилось такое, когда она шла домой через парк. В системе соответствий, какими она толковала мир вокруг себя, парк этот имел особое значение, и она ходила по его заросшим тропинкам с боязливым удовольствием — особенно зимой, когда свет порою бывал желтым, тускловатым, деревья — голыми, а солнце на закате окаймляло ветви холодным огнем. Садовник XVIII века разбил парк так, чтобы

тот окружал особняк, который давным-давно снесли, и некогда гармоничная искусственная чащоба, беспорядочно взъерошенная временем, теперь расплзлась своими зелеными зарослями по всему уступу высокой горки, от которой рукой подать до оживленной дороги, проходившей мимо городских доков. От прежнего особняка осталось лишь несколько архитектурных придатков — ныне собственность городского музея. Конюшня, явно выстроенная когда-то по эскизам миниатюрного Парфенона — жилище скорее для гуигнгов, чем для нормальных лошадей: ни один конь больше не вступит в портик с колоннами, особенно зрелищный при полной луне, элемент чистой декорации, центр композиции зеленых насаждений на южном склоне, куда Эннабел забредала редко — безмятежность ей быстро наскучивала, а средиземноморский колорит этого участка не возбуждал. Она предпочитала готический север, где в деревьях таилась овитая плющом башня со стрельчатыми окошками в свинцовых

переплетах. Оба эти причудливых каприза архитектуры держали под замком, опасаясь вандализма, но одно их присутствие играло предназначенную роль — парк оставался тщательно продуманным театром, где романтическое воображение может разыгрывать любые спектакли, какие только впишутся в декорации классической гармонии или старомодной зауми. К тому же волшебную странность парка усиливало странное безмолвие. Шаги по высокой траве звучали мягко, птицы почти не пели, однако окрест расползлся бурливый город, и как бы ни глушились его шумы, тишина здесь казалась неестественно призрачной, будто парк затаил дыхание.

Сюда вели только одни ворота, все еще внушительные на вид — массивные, чугунные, украшенные херувимами, звериными масками, стилизованными рептилиями и пиками, с которых давно слезла позолота; но ворота эти никогда толком не открывались и не закрывались. Створки висели слегка приотворенными, поник-